

После долгого, утомительного дня занятий с невестами и политических интриг я мечтала о доме.

Палящая аризонская жара надвигалась со всех сторон, когда я непринужденно прогуливалась по улице, на которой находился мой многоквартирный дом. В воздухе витал запах шалфея, а от пота моя рубашка прилипла к спине.

Совершенно обычный день.

Когда я открыла дверь, то увидела свою квартиру, все книжные полки были заставлены книгами в мягких обложках и DVD-дисками.

Когда меня резко разбудила горничная, по моему лицу текли слезы. Проснуться в холодной каменной комнате, пусть и богато украшенной, было последним, чего я хотела.

Пока служанка помогала облачить меня в очередную ограничительную клетку, я старалась не всхлипывать, но слезы не переставали течь. Почему я должна была мечтать о доме? Это был самый жестокий сон, который я только могла увидеть.

Находясь в этом мире более шести месяцев, я плакала лишь однажды, когда Адель напомнила мне об Эбби. Неужели стресс от попыток все исправить наконец-то дошел до меня?

Как только горничная поправила мне волосы и перешла к макияжу, она заметила, что я плакала.

"Миледи, ваше лицо! Что случилось?"

Всхлип, наконец, пробился к моему горлу. "Я хочу домой!"

"Миледи, ваша семья все еще находится в столице на осенней сессии суда. Было бы легко пригласить их во дворец", - рассуждала она.

"Нет!"

Они не могли прийти сюда и увидеть меня в таком состоянии. Графиня только отругала бы меня. Граф, как обычно, проигнорирует меня, а Перси... он не поймет.

"Дело не в людях, а в месте", - попыталась объяснить я.

Горничная, похоже, не поняла, но, к счастью, оставила эту тему, пока работала над тем, чтобы скрыть припухлости.

К сожалению, косметика может сделать лишь очень многое. Ал заметил, что со мной что-то не так во время завтрака, и встретился со мной после него в библиотеке, поскольку мадам Шалез была нездорова и дала мне выходной.

"Ты была ужасно тихой сегодня утром. Что-то случилось?"

Мои предательские глаза снова начали слезиться от того, что кто-то проявил беспокойство.

Если вы попытаетесь утешить плачущего человека, он будет плакать еще больше, даже если кажется, что все уже позади.

При виде моих слез его озабоченное выражение сползло с лица, и он растерялся. Было ясно

видно, что у Эла нет опыта утешения кого-либо.

"Кэти?" - нервно спросил он.

Моего имени - моего настоящего имени - было достаточно, чтобы плотина полностью прорвалась. Я сгорбилась и зарыдала так, как не рыдала с тех пор, как приехала сюда.

Сначала это были веселые игры. Какое-то время я искренне наслаждалась своей жизнью здорового человека. Потом все накапливалось, и теперь я не видел выхода из ситуации, в которую сам себя загнал.

Я не знала, что делать, и наконец до меня дошло, что это и есть моя реальность. Я застряла в роли Катрин дю Пон и должна была решать и ее проблемы, и свои.

Для меня это было слишком сложно, и ни один человек в этом мире не знал правды. Я должна была справляться со всем этим в одиночку.

Ал колебался, прежде чем мягко обхватить меня руками и притянуть к себе, так что мое лицо оказалось прижатым к его груди. Он ничего не сказал, но когда я начала всхлипывать сильнее, он крепко обнял меня и наклонился так, что его лицо оказалось в моих волосах.

Я была слишком расстроена, чтобы заметить, как он поцеловал меня.

Когда я наконец начала успокаиваться, у меня началась сильная икота. Эл тут же отпустил меня и налил мне воды из стоящего рядом кувшина, без слов протянув его.

Я фыркнула и поблагодарила его, после чего выпила все одним глотком.

"Тебе уже лучше?" - осмелился спросить он.

"Не совсем", - удрученно ответила я.

Плач ничего не исправил. Проблемы остались, а теперь я еще и опозорилась перед Элом.

"Эм... почему ты плакала?"

Я потеряла свои еще больше опухшие глаза и устало выпустила все свое разочарование, не заботясь о том, что он услышит. С меня было достаточно.

"Я хочу домой. Я ненавижу это место! Я ненавижу, когда меня используют, ненавижу, когда приходится перехитрять людей, ненавижу, что никто не имеет в виду то, что говорит.

Больше всего я ненавижу эти дурацкие, стягивающие платья, из-за которых больно дышать, сидеть или что-то делать".

"Я скучаю по своей сестре. Я скучаю по своей ЖИЗНИ! Она была скучной и повторяющейся, но я могла делать все, что хотела, и никто ничего от меня не ждал. Почему это должна была быть я, а? Я никогда никому ничего не делала! Я не высовывался, вовремя платил по счетам, был приличным соседом. И вот что я получаю?! Моя жизнь - это шутка".

"Я... не понимаю, о чем ты".

Конечно, он не понимал. Наполовину это относилось к моему разочарованию от того, что я возродился в этом романе после жалкой смерти в столь юном возрасте, почти в полном

одиночестве в этом мире. Скучал ли по мне кто-нибудь, кроме Эбби?

Мои нестабильные эмоции обратились на него, и внезапно все раздражение, которое я тайно скрывала с тех пор, как он объявил о нашей помолвке, взорвалось огненной яростью.

"Ты! Это твоя вина! Я бы уже смогла убежать, если бы не ты! Тебе просто нужно было втянуть меня в свои проблемы, чтобы не оставаться одному. Ну, угадай что! Никому не было дела до моих проблем, когда я была одна, так почему я должна заботиться о тебе?".

Кому было дело до моих проблем, когда я болела, мучилась и не могла оплатить свои расходы? Эбби была на другом конце страны. Она не знала всего, что со мной происходило, потому что я не хотел ее обременять.

Абсолютно никто ни на секунду не задумывался о жалких проблемах Кэти Пулман.

По крайней мере, у него хватило приличия выглядеть виноватым.

"Кэти... я не хотел... в мои намерения не входило расстраивать тебя".

"Что ж, очень жаль, потому что ты это сделал", - огрызнулась я, чувствуя, как начинает болеть голова. "Ты такой эгоистичный Алфеус Маклауд!"

Я не хотела иметь с ним дело. Я вообще ни с чем не хотела иметь дело. Я выбирался из этой клетки и возвращался в постель. Я тоже мог быть нездоров.

Я вылетела за дверь, как разъяренный смерч юбок, и как только я достигла своей комнаты, я проигнорировала служанок и сама вырвалась из этой дурацкой клетки.

Быстро стерев налипший макияж и накинув мягкую ночную рубашку, я сказала ближайшей горничной, что плохо себя чувствую, и чтобы никто меня не беспокоил.

Я задернула шторы на кровати с балдахином и забралась под одеяло, горячо желая, чтобы я только что погибла в той автомобильной аварии.

<http://tl.rulate.ru/book/60710/2175038>